

**Електронна бібліотека
видань історичного факультету
Харківського університету**

Сорочан С. Б. О политической роли и идейной ориентации торгово-промышленного населения Византии в эпоху иконоборчества // Вісник Харківського державного університету. – № 363: Історія. – Вип. 26. – Харків: Основа, 1992. – С. 92 – 101.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництво

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

- Cassius Cocceianus: *Dio's Roman History*. V. 1-9. London, 1914. 30. Garnsey P., Saller R. *The early Principate: Augustus to Trajan*. Oxford, 1982. 31. *Inscriptiones orae septentrionalis Pontii Euxini*. Vol. 1. Petropoli, 1916. 32. Nadel B. *Penetracja Rzymu i. wpływ rzymskie na północnym wybrzeżu Morza Czarnego // Meander*. 1969. №5. 33. *Scythica et Caucasica e veteris scriptoribus Graecis et Latinis*. Vol. 1-2. Petropoli, 1893-1906. 34. Sherwin-White A.N. *Racial Prejudice in Imperial Rome*. Cambridge, 1967. 35. Sherwin-White A.N. *The Roman Citizenship*. Oxford, 1973. 36. Taylor L.R. *Freedmen and freeborn in the Epitaphs of Imperial Rome* // *American Journal of Philology*. 1961. v. 82. No2. 37. Zgusta L. *Die Personennamen griechischen Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Praha, 1955. 38. Zgusta L. *Kleinasiatische Personennamen*. Praha, 1964.

Поступила в редколлегию 30.10.90

С.Б. СОРОЧАН, канд. ист. наук

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОЛИ И ИДЕЙНОЙ ОРИЕНТАЦИИ ТОРГОВО-РЕМЕСЛЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ВИЗАНТИИ В ЭПОХУ ИКОНОБОРЧЕСТВА

В историографии ранней Византии пока отсутствует специальное исследование места, характера и степени самостоятельного участия торгово-ремесленных кругов в политической и религиозной жизни империи. Поэтому особый интерес представляет определение присущих именно этому слою населения целей, форм, методов и результатов борьбы, его ориентации в отношении прочих социально-политических сил и группировок византийского общества VIII-IX вв., когда особенно обострилась религиозно-политическая борьба, связанная с выбором путей феодализации империи.

Можно согласиться с К.Манго, что после VII в. политическая и общественная жизнь Византии стала следовать другим принципам, чем в эпоху античности [15, p.58-62]. Изменения такого рода должны были коснуться содержания политической борьбы, ко-

торая все больше приобретала религиозный оттенок, свойственный любым социальным движениям эпохи средневековья. Иконоборчество, принявшее с начала правления династии Исавров характер государственной политики, неминуемо должно было привлечь внимание широких масс горожан, прежде всего столицы империи, откуда оно стало официально проводиться центральной властью в лице правящего василевса. Между тем значительная часть торгово-ремесленного населения столицы и европейских областей Византии поначалу не приняла нового курса императора и оказалась на стороне иконопочитателей, т.е. в одном ряду не только с ортодоксальным духовенством, представителями константинопольской патриархии, монашеством, городскими собственниками-ктиторами, но и гражданской знатью. Так, против приказа Льва Исавра о снятии и сожжении иконы Христа с Медных ворот, открывшего в 726 г. преследование иконопочитателей, самым решительным образом выступила группа христиан-подвижников, о которых рассказывает мученичество Юлиана [5, с. 47-53]. Возглавляли их благородная патрикия Мария, происходившая из императорского рода (*βασιλικῆς τοῦ γένους κατὰ γένεσιν*), протоспафарий Георгий и другие представители знати. Однако показательно, что вызвав к себе Марию с ее сторонниками, Лев заметил, что им, знатым, не следовало смешиваться с толпой необразованных и поднимать бунт в городе [5, с. 52]. На враждебность, с которой встретили простые константинопольцы меры василевса, косвенно также указывает приказ Льва воинам перебить народ, собравшийся у Медных ворот [5, с. 52]. Самое почтительное отношение к модам св. Евфимии со стороны двух братьев-моряков и, очевидно, торговцев, владевших небольшим судном, засвидетельствованное в рассказе епископа Константина Тийского, показывает, что в начале иконоборческих гонений при Льве III реакция на эту политику торгово-ремесленных кругов не была однозначной. Подобрав мощи, братья не только сохранили их, но как истые *θεολάτραι*, доставили на о. Лимнос, построили там со временем молитвенный дом с мраморными полами и, истратив весь груз своего судна, принесли Евфимии все свое имущество, постриглись и посвятили себя служению ей [5, с. 261-263]. Но в это же время другие вооруженные люди (*ἐκ βάραι*) и ремесленники соорудили печи и дом на месте алтаря из храма Евфимии около столичного ипподрома, что произошло после завершения селения 730 г., повлекшего за

собой отставку патриарха — иконопочитателя Германа [65, с.260-261]. Несомненно, часть византийского торгово-ремесленного населения оказалась в одном лагере с иконопочитателями из числа духовенства и гражданской бюрократической знати. В силу извечного соперничества этот союз не мог быть прочным, и императоры-иконоборцы должны были пытаться его всячески полорвать, чтобы расширить социальную базу своей политики. Метод репрессий, традиционно применявшийся ими к иконопочитателям, в данном случае, видимо, был не только малоэффективен, но даже опасен для правительства. Дезурбанизация, происходившая во второй половине VII—VIII вв., ощущалась в Византии все же значительно слабее, чем на Западе. Даже в эти столетия здесь продолжали существовать крупные по средневековым меркам города с многочисленными торгово-ремесленным населением. К тому же рост товарного обращения, морских перевозок, о чем свидетельствовало оформление Морского закона, обусловили высокие доходы от налогов и пошлин, которые постоянно давало государству это население. Поэтому объективные условия заставляли иконоборческие власти достаточно осторожно относиться к тем торговцам и ремесленникам, которые поначалу даже в столице в большинстве своем сочувствовали враждебному правительству иконопочитанию. Императоры пытались ослабить элементы самоуправления в этой среде, сильные тенденции к муниципальным свободам и независимости, имевшие место среди городских магистратов, особенно периферийных городов, отличавшихся большой самостоятельностью [1, с.27; 2, гл.42, 39-54, с.172; 6, с.114; 4, с.166]. Вместе с тем правящие иконоборцы изначально шли на некоторые уступки этим кругам. Именно интересам последних отвечали такие задачи, ставившиеся правительством Льва III, как возрождение агрикультуры, опубликование свода законов не только гражданского, уголовного права, но и по вопросам торговли и сельского хозяйства, которые могли бы найти применение в провинции [14, р.68]. Известно, что Константин V был еще менее склонен к компромиссам и действовал более решительно, чем его отец. Однако будучи заинтересованным в позиции горожан, прежде всего Константинополя, он обязал крестьян продавать зерно государству по принудительно низким ценам, что привело к установлению стабильных цен и изобилию дешевых продуктов на столичном рынке. Последующие вассалы придерживались этого же курса, который при всех издержках и

отрицательных последствий подрыва союза с крестьянством, очевидно, давал свои плоды. Г.Г.Литаурин, отметивший это, указывает, что действительно с IX в. узурпаторы сравнительно редко овладевали столицей [3, с.70-71]. Поэтому в число реальных сил, с которыми приходилось считаться василевсам при ведении своей относительно самостоятельной политики в это время, следует отнести не только две основные противоборствующие группировки господствующего класса — военную землевладельческую знать феи и духовенство с гражданской чиновной бюрократией, но и "третью силу" — широкие торгово-ремесленные круги, главным образом столицы империи, решающая роль которой в исходе политической борьбы стала, по мнению М.Даргона, вполне очевидной в эпоху иконоборчества [II, р.544]. Эти круги имели собственные интересы и составляли серьезное препятствие самодержавию императорской центральной власти, будучи непоследовательными союзниками то константинопольской, то провинциальной группировок знати. Если бы влияние и организующая сила димов, с которыми были связаны торговцы и ремесленники, совершенно упали, едва ли императоры-иконоборцы стали заигрывать перед этими слоями городского населения в ущерб своей традиционной опоре — свободному крестьянству. Для правительства было крайне важно консолидировать вокруг центральной власти все поддерживающие эту власть общественные элементы. Призыв к разделу церковных имуществ, видимо, сыграл решающую роль в переориентации части торгово-предпринимательских слоев столицы на сторону иконоборцев. Антиклерикальная, антимонашеская программа Исавров наносила удар по экономике церкви, покушаясь на ее владения и собственность, а также по земельной аристократии. По мере того как эти цели становились понятны широким слоям населения, в том числе и торгово-ремесленным кругам, они переходили на сторону правительства. Созыв Собора 754 г. и казнь константинопольской толпой шести духовных лиц, среди которых был широко известный св.Стефан с горы Авксентия, может служить указанием на то, что двойственная до того времени позиция торгово-ремесленных слоев Константинополя стала достаточно определенно иконоборческой [14, р.88]. Поэтому в своих действиях против иконопочитателей Константиан У нередко обращался прямо к народу, выходя к нему, созывая его на площади на селений *ἀδελφοὶ τοῦ ὕψ' αὐτοῦ* *καὶ ἐκ κλημάτων; σεαυτοῦ ἡγομέτου* [20, § 26, 39], или к городскому

фиалу (ἀπὸ τοῦ ἀγέτορος τῆς φιλίας) [20, § 35-33], обращаясь во время представления на ипподроме (τὸ θέατρον τοῦ ἱπποδρομίου) [20, § 38]. В ближайшие годы после Собора 754 г. поддержка правительственному курсу со стороны торгово-ремесленных слоев населения Константинополя стала более решительной. Стефан Диакон указывал, что народ сочувственно относился к борьбе Константина У с монашеством и на жалобы василевса о кознях иконопочитателей дружно отвечал: "Да нет и следа их одежд в городе твоём" [20, § 38]. Собравшиеся на ипподроме требовали продавать смерти (φονεῦσθαι), казнить, сжигать ослушников императорского повеления, топтали монашеские одежды и, что особенно важно, вооружившись мечами, потребовали громить монастыри и церкви, терзали монахов, в частности сожгли обитель одного из самых стойких амнимоневтов, Стефана Нового, на Авксентиевой горе, разогнав его учеников [20, § 39]. Примечательно, что донос (ῥαυμολόγιον) на Стефана написал один из его учеников отступник Сергей вместе со старшим сборщиком налогов — Авликаламом, к которому этот ученик специально пришел [20, § 32]. Последнее тоже может служить указанием на сочувствие торговцев, ремесленников и крутов, близко с ними связанных, к политике Константина У в 759 г., к которому относились описываемые события [45, с. 131-134]. Позже, в 765 г., народ по-прежнему восторженно встречал императора на площади Милий, а в ответ на обычные сотования василевса против иконопочитателей из толпы ему возражали, указывая, что "и следа их (амнимоневтов) не видно ни в городе, ни в других областях, все они погублены" [20, § 58]. Впрочем, надо учитывать, что это говорилось во время брумалий, когда происходило одаривание простого народа, и слова явно не были искренними, отражая лишь желание польстить василевсу. Тем не менее настрой большинства торгово-ремесленного населения столицы осенью 765 г. был настолько ясен и определен, что, готовясь к приближающейся казни, Стефан заранее снял с головы клобук, так как не хотел, чтобы схиму топтала разъяренная толпа народа [20, § 60]. Описывая кончину святого, последовавшую 28 ноября 765 г., агнограф сообщает о толпе (ἐκ τῆς δημοσίας), которая ватажила Стефана из тюрьмы претория на улицу, избивала его камнями и палками [20, § 61; 5, с. 144]. Кто был в этой "толпе", неясно, но напавшие на святого были настроены расправиться с ним, как с врагом

императора Константина У, и автор жития презрительно называет их *τοὺς ὄχλους*. Труп уже мертвого Стефана продолжали терзать одинаково усердно все — мужчины, женщины, даже дети, но особенно покарательна сцена, происшедшая на Вачьей площади (*ὁ τοῦ βουῆς - τοῦτοῦ*), где какой-то торговец-капинос, продававший жареную рыбу, с такой силой ударил головней по черепу покойника, что разбил его [20, § 62]. Такое "рвение", проявляемое именно торговцами, засвидетельствовано также в Житии Андрея при описании мученической смерти этого святого 20 октября 767 г. Когда мелкий рыболов, который торговал на площади рыбой, увидел, что по приказу Константина У мимо тащат св. Андрея, выступившего с защитой икон против императора, то, схватив рыболовный топор (*τὴν ἁλινὴν τοῦ μακέλλου*), отрубил святому ногу, после чего Андрей скончался, а слуги императора, волочившие мученика, объявили убийце, что он заслуживает награды [5, с. 46]. Следует отметить, что перед этим тело полумертвого Андрея таскали на веревке по улицам и площадям Константинополя среди толп "рыночного народа", который воспринимал происходящее, очевидно, как должное [5, с. 45].

Безусловно, не все торговцы и ремесленники целиком и полностью отвернулись от иконопочитания. Автор жития Стефана Нового сообщает, что незадолго до кончины святого к нему, заключенному в тюрьму претория, приходило много горожан (*πλῆθες οἱ ἐν τῇ πόλει*), которых он облачал в монашескую одежду [20, § 57]. Мало того, Константин У даже был вынужден тогда же начать розыски в столице тех, кто водился с монахами, и изгонять их [5, с. 142]. Видимо, еще большим сочувствием пользовалось иконопочитание в окраинных областях и городах империи [20, § 28; 9, р. 21-27].

Поддержку правительственного курса на иконопочитание, взятого с приходом на престол Ирины, можно заметить с 80-х гг. VIII в. и среди столичного населения. О перемене религиозных настроений, последовавшей в это время, свидетельствует возмущение, с каким простой народ не хотел отдавать мощи св. Евфимии с о. Лимноса для перенесения в Константинополь, где по прибытии святыни ее встретил с песнопениями весь город [5, с. 264-265]. Агиограф Михаил отмечает, что позже к Фесдору Студиту стали приходить из столицы поклониться в Саккудийский монастырь уже не только монахи, но и миряне [16, *Сол.* 256-258, § 19]. Такой поворот религиозных симпатий широких слоев горожан, видимо, совпада-

ет с поддержкой или борьба императрицы Ирины против недовольных правительством, раудимых к власти иконоборчески настроенных военных кругов, чьей материальной базой являлась главным образом земельная рента и чьи интересы, следовательно, не совпадали с интересами торгового-ремесленного населения, особенно крупных портовых городов. Поэтому для укрепления на троне, добытом через ослепление собственного сына 15 августа 797 г., Ирина пыталась, с одной стороны, найти помощь у духовенства и осыпала милостями церковь, воссрединовила иконопочитание, с другой стороны, очевидно, старалась заручиться поддержкой торгового-ремесленных слоев империи, постоянно готовых возмутиться. Трудно объяснить какой-либо иной целью политику императрицы, направленную на снижение корабельных пошлин, налогов с городского населения [22, р.475; 489; 21, *Col.* 929, 932], что отчасти даже усугубило финансовый кризис страны и к концу ее правления [13, р.41-42]. Необычно выглядят также те финансово-экономические меры преемника Ирины - Никифора I, о которых недоброжелательно настроенный по отношению к императору Фесфан отзывался как о девятом и десятом "притеснениях" [22, р.487-488]. Наиболее влиятельные судовладельцы столицы должны были получить госзаим в 12 фунтов золота, правда, под достаточно высокие проценты. И это при условиях, когда страна несла большие военные расходы, терпела последствия инятежа Вардания Турна в азиатских фемах, а император ...не вводил новых налогов и вынужден был в поисках денег прибегать к противозаконным конфискации. Одни исследователи полагают, что василевс стремился вновь наполнить казну путем столь своеобразного ростовщичества [17, р.86; 10, р.183-216; 18, р.219], другие видят причину в попытке властей заставить судовладельцев заниматься морским предпринимательством, без чего невозможно было возращение принудительно навязанного им госдолга и процентов за него [13, р.42-45]. Однако можно заметить, что вместе с "девятым притеснением", которое состояло в разрешении населению приморских малоазийских городов покупать участки земли по госцене, это составило меры, явно рассчитанные на интересы торгового-ремесленных кругов. С настроениями последних вынуждены были считаться и последующие василевсы. Симптоматично, что иконоборец Л.в Армянин (813-820), выступивший против императора Михаила I Рангаве (811-813), вошел с войсками в Константинополь, не встретив никакого сопротивления, и был открыто провозглашен

василевсом, но для этого ему, по словам агнографов, пришлось притвориться благочестивым [16, § 30; 23, Col. 903, § 20]. Согласно сообщению Феодора Студита, сторонник иконопочитания патриарх Никифор был свергнут с патриаршего престола, схвачен по приказу Льва У и немедленно ночью перевезен через Босфор в другую часть города с целью не возбудить простой народ [5, с. 47]. Последовавшее вскоре, в 820–821 гг., восстание Фомы Славянина тоже отражало религиозные чаяния иконопочитателей. По словам Михаила Студита, этот бунтовщик (Ἰωάννης Σλάβιανος) принимал иконы и поклонялся им [16, Col. 319, § 61]. Видимо, иконоборчество как символ интересов провинциальной знати все труднее было совместить с "умеренной" православной ориентацией, овладевавшей торгово-ремесленными кругами. Во время ссылки Ионна Психаита в 20-е гг. IX в. в Херсонесе к нему "стекались народы, жившие около Востора", которых он одобрял, причем среди обращавшихся к нему за советом, исцелением, возносивших ему хвалу были медник (Χαλκουργός), рыболов или моряк (Ἀλιευτής), т.е. местные ремесленники и торговцы [5, с. 235–236]. Похоже, такие же настроения преобладали в столице и ее окрестностях, когда масса народа сошлась, чтобы почтить кончину видного иконопочитателя Никиты Мидийского, умершего 3 апреля 824 г. [5, с. 358]. Вспышки иконоборческих настроений случались в последующее время все реже и реже. Агнограф Михаила Синкелла отмечает, что народ был на стороне иконоборца Теофила, отдавшего в июле 836 г. приказ исписать позорными стихами лица четырех монахов-иконоточителей, и, когда наказание было исполнено, из толпы подходили к ним и били по лицу [8, с. 244–245]. Громадная толпа народа (πληθὺς τοῦ λαοῦ) оказала поддержку кесарю Варде во время его выступления против патриарха Игнатия [23, § 58–60]. Будучи дядей по матери Михаила Ш, Варда имел огромное влияние на императора. Воспользовавшись слухами о любовной связи кесаря с Евдокией, вдовой сына Варды, патриарх запретил ему входить в церковь, после чего кесарь ворвался в алтарь храма, сопровождаемый многочисленной толпой, которая ему явно сочувствовала. 23 ноября 857 г. патриарх Игнатий был смещен, а на его место Михаил и Варда выбрали Фотия [23, § 61]. По мнению Ф. Дворник, широкие массы тех, кто был повседневно связан с занятием ремеслом и торговлей, придерживались в это время лагеря "умеренных" [12, р. 9] и не осуждали василевса и Варду, считавших наиболее упор-

ных монахов-иконопочитателей [5, с.227]. Последнее не мешало им поклоняться мощам, как это было с теми ремесленниками, которые приходили с надеждой на исцеление к телу св.Востратия, умершего, очевидно, в 868 г. [19, с.394, § 42].

Закономерно, что в начальный период иконоборчества (30-е гг. VIII в. - 815 г.) торгово-ремесленные круги должны были выступить именно на стороне константинопольского правительства, ибо этот союз еще мог вывести страну при тогдашнем уровне и традициях ремесла и торговли на путь формирования общественных отношений, подобных тем, что имели место в средневековых итальянских торговых городах-государствах, тогда как позиция провинциальной землевладельческой знати (и значит любая поддержка ее) вела страну к классической монархии каролингского типа. М.Н.Сквозной справедливо полагал, что торгово-ремесленное население Византии было заинтересовано в складывании городского патрициата [7, с.5] и поэтому не могло не пытаться использовать возникшую в VIII в. идейно-политическую ситуацию в своих интересах. Представляется удачным высказанное Р.Дженкинсом предположение о возможности рассматривать раннее иконоборчество как разновидность протокальвинизма или протопуританизма [14, p.68], причем определенное сходство прослеживается здесь не только в отказе от искусства и образования как от греха, но и в совпадении идеологических установок и их социальных носителей. Широкие торгово-ремесленные слои населения, в том числе столицы империи, стали вновь переходить на сторону официального христианства лишь во втором периоде иконоборчества (815-843), когда положение военной фемной знати окрепло настолько, что возможности выбора иного пути развития страны, не отвечающего интересам этой знати, оказались практически исчерпаны. Однако недостижимость поставленных целей с помощью тех форм и методов борьбы, к которым прибегало это население, никоим образом не умаляет его инициативу, проявленную в социально-политической и идейно-религиозной жизни иконоборческой эпохи.

Список литературы: 1. В а с и л ь е в с к и й В.Г. Русско-византийские исследования. Вып.2: Жития св.Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. Спб., 1893. 2. К о н с т а н т и н Багрянородный. Об управлении империей /Текст, пер.,коммент. под.ред. Г.Г.Литаврина, А.П.Новосельцева. М., 1989. 3. К у л ь-

- тура Византии. Вторая пол. VII-XI в. М., 1989. 4. Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е. Город и государство в Византии VII-IX вв. // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Город и государство. М., 1986. 5. Лопарев Хр.М. Преческие жития святых VII и IX веков. Пг., 1914. 6. Ранние феодальные государства на Балканах. VI-XI вв. М., 1955. 7. Сюзюмов М.И. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии // Византийский временник. 1960. Т. 17. 8. Шмидт Ф.И. Кахрие-джами // Известия Русского археологического института в Константинополе. София, 1906. Т. II. 9. Ahnweiler H. The Geography of the Iconoclastic World // Iconoclasm. Birmingham, 1977. 10. Bratianu Ch. Études byzantines d'histoire économique et sociale, Paris, 1938. 11. Dagron G. Naissance d'une capitale: Constantinople et ses institutions de 330 à 451. Paris, 1974. 12. Dvornik F. The Photian Schism. Cambridge, 1948. 13. Frances E. L'empereur Nicéphore Ier et le commerce maritime byzantin // Byzantinoslavica. Praha, 1966. Т. 27/1. 14. Jenkins R. Byzantium: The Imperial Centuries. AD 610-1071. London, 1966. 15. Manago C. Le développement urbain de Constantinople (IVe - VIIe siècles). Paris, 1985. 16. Michaelus Monachus. Vita et conversatio patris nostri et confessoris Theodori abbatis monasterii Studii // PG. Т. 99. 17. Monnier H. Etudes de droit byzantin. L'épître // Nouvelle revue historique de droit français étranger. Paris, 1895. An. 19. 18. Ostrogorski G. Histoire de l'Etat byzantin. Paris, 1956. 19. Παπαδόπουλος-Κεραμέως Α. Ἀνάλεκτα ἱεροζολυμιτικῆς ἐκκλησιᾶς. - Πετρούπολες, 1897. 4. 20. Stephanus Constantinopolitanus Diaconus in vitam et martyrium beatissimi et sancti martyris Stephani Junioris, qui martyrium subiit sub impio Iconoclasta imperatore Constantino Copronymo // PG. Т. 100. 21. Theodoros Studites. Epistolae. Lib. 1 // PG. Т. 99. 22. Teophanis Chronographia / Rec. C. de Boor. - Lipsiae, 1883. Vol. 1. 23. Vita St. Nicolae Studiae // PG. Т. 105.

Поступила в редколлегию 25.10.90